

ПРОЛОГ Джиджи

Он знаменитость, что ли?

Шесть лет назад

Когда я была маленькой, кто-то из папиных друзей спросил меня, кем я хочу стать, когда вырасту.

Я гордо ответила: «Кубком Стэнли».

В четыре года я была уверена, что Кубок — это человек. На самом деле из того, что мне удалось понять по разговорам взрослых вокруг, складывалось впечатление, что папа был знаком с этим Кубком Стэнли (и даже несколько раз с ним пересекался), хотя такая честь выпадала только избранным. Значит, Стэнли, кем бы ни был этот великий человек, должен был являть собой ни много ни мало легенду. Чудо. Стоило стремиться к тому, чтобы приблизиться к его величию.

Мечта стать как папа — жалкий профессиональный спортсмен — быстро забылась. И мечта стать как мама тоже — подумаешь, композитор, получивший сколько-то там наград.

Я собиралась стать Кубком Стэнли и править этим гребаным миром.

Не помню, кто спустил меня с небес на землю. Вероятно, мой брат-близнец Уайатт. Ведь только он этим и занимается.

Впрочем, ущерб уже был нанесен. Уайатту в детстве повезло получить от папы нормальное прозвище — старое доброе Чемпион, — а вот меня окрестили Стэнли. Когда особенно лень произносить целиком — просто Стэн. Оно вырывается даже у мамы, которая вообще-то делает вид, что возмутительные клички, принятые среди хоккеистов, ее раздражают. На прошлой

неделе за ужином она попросила Стэнли передать картошку. Предательница.

А сегодня утром список предателей в очередной раз пополнился.

— Стэн! — доносится голос с другого конца коридора. — Я собираюсь заскочить за кофе для твоего отца и других тренеров. Ты будешь?

Повернувшись, сверлю взглядом отцовского помощника.

— Ты обещал никогда меня так не называть.

У Томми хватает совести изобразить раскаяние. А в следующую секунду все милосердие отправляется коту под хвост.

— Ладно. Не убивай гонца с дурными новостями, но, наверное, пора уже принять, что эту войну тебе не выиграть. Хочешь совет?

— Нет.

— Я бы посоветовал тебе смириться с прозвищем, моя дорогая красавица.

— Ни за что, — ворчу я. — Но вот на «дорогую красавицу» согласна. Так меня и зови. Я сразу чувствую себя утонченной и могущественной.

— Как скажешь, Стэн, — смеется он, а в ответ на мою гримасу уточняет: — Так что с кофе?

— Нет, не хочу. Но спасибо.

Томми, вечный комок энергии, отправляется по своим делам. Он работает у папы личным помощником уже три года, и я ни разу не видела, чтобы он притормозил хоть на пять минут. Томми, наверное, и спит на беговой дорожке.

Я продолжаю свой путь — по коридору к женским раздевалкам. Быстро скидываю кеды и надеваю коньки. На часах половина восьмого утра, а значит, у меня масса времени на утреннюю разминку. Как только сюда заедет лагерь, начнется столпотворение. А пока весь каток в моем распоряжении. Только я и свежий слой изумительного свежего льда, еще не тронутого царапинами от коньков.

Ледовый каток как раз завершает последний круг, когда я выхожу на лед. Вдыхаю самый любимый на свете аромат — прохладно-острый воздух в сочетании с резким запахом прорезиненных полов. Металлический запах только что заточенных коньков. Дышать всем этим так приятно, что и словами не описать.

На льду я прохожу пару медленных, ленивых кругов. Я даже не состою в этом юниорском лагере, но тело никогда не дает отклониться от привычного распорядка. Сколько себя помню, я всегда рано просыпалась перед индивидуальными тренировками. Иногда устраиваю себе простые прогоны. Иногда просто скольжу по льду безо всякой цели. Во время хоккейного сезона, когда приходится

посещать настоящие тренировки, я стараюсь не перетрудиться на своих одиночных прокатах, но на этой неделе я здесь не для того, чтобы играть, — только помогаю папе. Поэтому ничто не останавливает меня от спринтерского проката вдоль стены.

Качусь я жестко и быстро, проскакиваю за сеткой, резко разворачиваюсь и активно ускоряюсь по направлению к синей линии. К тому моменту, когда замедляюсь, сердце колотится в груди так гулко, что на мгновение заглушает голос откуда-то со скамейки запасных:

— ...тут находиться!

Я поворачиваюсь и вижу парня примерно моего возраста. Первым делом в глаза бросается, как сердито он на меня смотрит.

Вторым — что он просто поразительно привлекателен, несмотря на всю сердитость.

Он явно принадлежит к числу людей, которые могут недовольно кривиться без малейших эстетических последствий для симпатичной мордашки. Черт, он выглядит даже еще аппетитнее. Этакий суровый плохиш.

— Эй, ты меня вообще слышишь? — Голос у него ниже, чем я ожидала. Таким, как он, надо распевать баллады в стиле кантри на крыльце дома где-нибудь в Теннесси.

Хлопнув низенькой дверцей, незнакомец вылетает на лед, и я понимаю, что он еще и высокий, возвышается надо мной. И, кажется, я в жизни не видела глаз такого оттенка. Они голубые, но невероятно темные. Сталь и сапфиры.

— Прости, что? — Я стараюсь не пялиться. Как вообще можно быть таким привлекательным?

С его ростом черные хоккейные штаны и серое джерси сидят как влитые. Он немного долговязый, но даже в свои пятнадцать-шестнадцать явно сложен как хоккеист.

— Я сказал, что тебе нельзя тут находиться! — рывкает он.

...и мне этого достаточно, чтобы встряхнуться. Что ж, ясно. Этот парень — грубиян.

— А тебе, значит, можно? — поддразниваю я. Лагерь стартует в девять, мне это точно известно, ведь я помогала Томми копировать графики для участников — те, что войдут в приветственный пакет бумаг.

— Можно. Сегодня первый день сборов. Я пришел размяться. — Я прямо чувствую, как по мне скользит взгляд его манящих глаз, как он подмечает узкие джинсы, фиолетовый свитшот и ярко-розовые гетры и добавляет, изогнув бровь: — Ты, должно быть, дни перепутала. Лагерь по фигурному катанию на следующей неделе.

Моя очередь рассерженно коситься на него. Все, я определилась: этот парень — заносчивый придурок.

— Вообще-то я...

— Серьезно, королева выпускного*, — перебивает он, — тебе тут совершенно незачем находиться.

— Королева выпускного? Ты себя-то в зеркале видел? — бросаю в ответ. — Это ты здесь выглядишь так, будто тебя вот-вот выберут королем выпускного. — Видимо, раздражение заразно, потому что я тоже завожусь. Не говоря уже о том, с каким самодовольством он на меня смотрит. Именно это подстегивает меня позлить его.

Он думает, мне здесь не место? И называет меня *королевой выпускного*?

Иди ты в задницу, идиот, будь так добр.

С самым невинным видом засовываю руки в задние карманы.

— Прости, но я никуда не пойду. Мне правда надо поработать над вращениями и тулупами, и, как я вижу, — картинно машу рукой в сторону огромного пустого катка, — места нам обоим хватит. А теперь, если ты не против, королеве выпускного действительно надо возвращаться к делу.

Незнакомец снова хмурится.

— Я тебя так назвал только потому, что не знаю, как тебя зовут.

— А спросить не подумал?

— Ладно, — ворчит он. — Как тебя зовут?

— Не твое дело.

Он всплескивает руками:

— Да как скажешь. Хочешь остаться? Оставайся. Давай, прыгай свои тулупы. Только не приползай ко мне потом, когда явится тренер и вышвырнет тебя отсюда.

С этими словами он отчаливает, уродуя мой нетронутый лед тяжелыми росчерками лезвий. Парень катается по часовой стрелке, так что я просто назло ему начинаю двигаться в другую сторону. Каждый раз, когда мы скользим друг мимо друга, он сверлит меня взглядом. Я в ответ улыбаюсь. А еще я бываю нахалкой и потому выдаю несколько волчков подряд. Присев на одну ногу, вторую вытягиваю перед собой, и она, разумеется, оказывается прямо на его пути, когда он принимается за очередной круг. Я слышу тяжелый вздох, после чего он поворачивает, чтобы не столкнуться со мной.

* Король и королева выпускного бала выбираются в западных школах, как правило, из числа самых популярных, активных и привлекательных старшеклассников. — *Здесь и далее прим. переводчика, если не указано иное.*

По правде говоря, я действительно пыталась заниматься фигурным катанием — еще в детстве. Получалось не очень, да и мне всегда было неинтересно, а потому продолжать не имело смысла, но папа настоял, предупредив, что такие занятия пойдут мне на пользу. И не ошибся. Хоккей требует физической силы, а фигурное катание — ловкости. Выучив основы, я сразу заметила, что и баланс, и скорость, и положение тела во время игры улучшились. На этих занятиях я научилась лучше скользить на ребре, а значит, стала круче кататься. И круче играть в хоккей.

— Нет, серьезно, уйди с дороги. — Парень останавливается так резко, что от коньков отскакивает ледяная стружка. — Мало того, что я застрял с тобой на одном катке, королева выпускного, так у тебя еще и ни капли уважения к личному пространству.

Я встаю с вращений и скрещиваю руки.

— Не называй меня так. Меня зовут Джиджи.

Он фыркает.

— Ну конечно. Типичное имя для фигуристки. Дай-ка угадаю. Сокращение от какого-нибудь девчачьего замысловатого имени... Джорджия. Или нет, Жизель.

— Это не сокращение, — холодно откликаюсь я.

— Серьезно? Просто Джиджи?

— Да ладно, теперь ты будешь осуждать мое имя? А что с твоим? Наверняка как у настоящего бро... Брейден, небось, или Картер?

— Райдер, — бормочет он.

— Ну конечно, — повторяю его же слова. Меня разбирает смех.

На мгновение он становится мрачнее тучи, но потом снова впадает в раздражение.

— Просто не путайся под ногами.

Как только Райдер поворачивается ко мне спиной, я ухмыляюсь и показываю ему язык. Если этот придурок собирается нарушить мою драгоценную утреннюю тренировку, я как минимум должна разозлить его до предела. Так что стараюсь мешаться как можно больше. Я ускоряюсь, прижав руки к бокам, а потом начинаю новую серию вращений.

Черт, фигурное катание здорово развлекает. Я уже и забыла.

— Ну наконец-то, сейчас тебе влетит, — слышу я ехидный голос Райдера. Ехидный и очень довольный.

Я замедляюсь, услышав громкое эхо шагов за двойными дверями в конце катка.

— Лучше проваливай отсюда, Жизель, пока не разозлила Гаррета Грэхема.

Я подъезжаю к Райдеру и прикидываюсь дурочкой.
— Что за Гаррет?
— Ты издеваешься, что ли? Ты не знаешь, кто такой Гаррет Грэхем?
— Он знаменитость, что ли?
Теперь очередь Райдера на меня пялиться.
— Да он король хоккея. Это его лагерь.
— А. Точно. Я просто только за фигуристами слежу.
Махнув хвостом, скольжу мимо него. Мне так хочется сделать еще одно движение — в основном чтобы проверить, помню ли я, чему научилась на тех занятиях.
Я набираю скорость. Нахожу баланс. У моих коньков нет зазубрин на носу — в конце концов, они предназначены для хоккея, — но для этого прыжка засечки не нужны. Я выхожу на поворот, набирая скорость, а потом отталкиваюсь от катка и кручусь в воздухе.
Приземляюсь я просто отвратительно. Корпус повернут не туда, куда надо. Еще я перекрутилась, но каким-то образом умудрилась не шлепнуться лицом вниз. Грации в прыжке ни капли, и я морщусь.
— Джиджи! Что ты творишь? Лодыжку сломать хочешь?
Я поворачиваюсь к стеклянному бортику в двадцати футах, где, нахмурившись, стоит мой отец. На нем бейсболка и футболка с эмблемой лагеря, на шее — свисток, а в руке — стаканчик с кофе.
— Прости, пап, — смущенно кричу я. — Просто дурачилась.
Позади меня раздается сдавленный звук. Райдер подъезжает ко мне, голубые глаза потемнели.
Я склоняю голову и невинно улыбаюсь:
— Что?
— «Пап»? — еле слышно ворчит он. — Ты дочка Гаррета Грэхема?
Глядя на его гневное выражение лица, я просто не могу удержаться и даю волю смеху.
— Мало того, сегодня я еще буду помогать вам тренировать удар.
Райдер подозрительно щурится:
— Ты что, играешь в хоккей?
В ответ я снисходительно похлопываю его по руке.
— Не переживай, король выпускного, я сделаю тебе поблажку.

РАСШИФРОВКА ПЕРЕДАЧИ «КОРОЛИ ХОККЕЯ»

День выхода в эфир: 28.07

© The Sports Broadcast Corporation

ДЖЕЙК КОННЕЛЛИ: К слову о неумолимых катастрофах: полагаю, самое время перейти к следующему нашему сегменту. Невероятные новости поступают из мира студенческого хоккея: грядет слияние команд «Брайар» и «Иствуд». Мы тут о твоей альма матер говорим, Джи.

ГАРРЕТ ГРЭХЕМ: У меня там еще и ребенок учится. Все в семью, так сказать.

КОННЕЛЛИ: По шкале от одного до десяти, где один — катастрофа, а десять — апокалипсис, насколько все плохо?

ГРЭХЕМ: Ну, не слишком хорошо.

КОННЕЛЛИ: Я так понимаю, это еще преуменьшение.

ГРЭХЕМ: Конечно. Но давайте все проанализируем. Оставим в стороне тот факт, что нынешняя ситуация совершенно беспрецедентна. Чтобы в хоккее на льду две мужские команды первого дивизиона объединили в одну? Неслыханно. Но, по моему мнению, вполне может появиться несколько преимуществ. У Чеда Дженсена будет суперкоманда. Я хочу вот что сказать: чтобы Колсон и Райдер играли вместе? Не говоря уже о Демейне, Ларсене и Линдли? С Куртом на воротах? Они же будут непобедимы.

КОННЕЛЛИ: В теории — определенно. И я первым всегда отдаю должное тем, кто заслуживает признания. Чед Дженсен — самый выдающийся тренер в студенческом хоккее. Двенадцать «Замороженных четверок»* и семь побед за время его работы в «Брайаре». Он абсолютный рекордсмен по числу побед среди студенческих команд...

ГРЭХЕМ: Тебе свеко́р что, приплачивает за рекламу? Или ты этим бесплатно занимаешься, ради одобрения?

КОННЕЛЛИ: И это говорит человек, который под руководством Дженсена выиграл три из этих семи чемпионатов.

ГРЭХЕМ: Ладно-ладно, твоя правда. Мы оба предвзяты. Если серьезно, Дженсен просто волшебник, но даже ему не удастся уничтожить несколько десятилетий страшного соперничества и враждебности в отношениях между парнями. «Брайар» и «Иствуд» дрались годами. И все рассчитывают, что они внезапно станут паиньками?

КОННЕЛЛИ: Ему явно предстоит непростая работа. Но, как ты и сказал, если они смогут сделать так, чтобы вся эта машина заработала, чтобы парни стали одной командой, то мы увидим настоящее волшебство.

ГРЭХЕМ: Либо так, либо эти ребята поубивают друг друга.

КОННЕЛЛИ: Думаю, скоро узнаем.

* Frozen Four — финал Национальной студенческой хоккейной ассоциации.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДЖИДЖИ

ЧЛЕНОМАГИЯ ПЛОХИША И БАБНИКА

Человек, играющий в хоккей, — еще не хоккеист. Человек, играющий в хоккей, заявляется на каток за час до игры, быстро натягивает коньки, отыгрывает три периода, переодевается в обычную одежду и на всех парах несется домой.

Хоккеист же живет и дышит хоккеем. Мы постоянно тренируемся. Мы посвящаем этому кучу времени. Приходим за два часа до тренировки, чтобы отточить, отшлифовать свою технику игры, стать крепче умственно, физически и морально. Мы укрепляем и закаляем тело, постоянно задирая планку. Мы посвящаем спорту жизнь. Чтобы играть в студенческой лиге, нужна фантастическая преданность делу, но мне такая задача всегда была только в радость.

До начала занятий в Университете «Брайар» остается неделя, и я возвращаюсь к привычной утренней рутине. Межсезонье хорошо тем, что позволяет мне провести побольше времени с друзьями и семьей, подольше поспать, побаловать себя вредной едой, но я всегда с нетерпением жду начала нового сезона. Без спорта мне не найти себе места.

Сегодня утром я тренируюсь на одном из двух катков творческого центра. Простое упражнение на бросок: ускоряешься на повороте и забиваешь шайбу в ворота, и, хотя я ругаю себя всякий раз, когда промахиваюсь мимо сетки, ничто не нарушает тишину арены, кроме звука шайбы, врезающейся в столб.

Так продолжается где-то час, пока я не замечаю на скамье тренера Эдли. Он машет мне, и я подъезжаю поближе. Тренировочное джерси промокло насквозь.

Он дергает уголком губ.

— Тебя здесь быть не должно.

Я снимаю перчатки.

— Кто сказал?

— Правила Национальной ассоциации студенческого спорта, пункт о тренировках в межсезонье.

В ответ я ухмыляюсь.

— Пункт об *официальных* тренировках в межсезонье, организованных тренером команды. А я просто катаюсь в свободное время.

— Ты же знаешь, что не обязана так себя загонять, Джи.

— Ого, — насмешничаю я, — то есть ты хочешь сказать, что мне стоит играть хуже, чем позволяют способности? Ты этого хочешь?

— Нет, я хочу, чтобы у тебя остались силы на... — внезапно он осекается и усмехается. — Хотя знаешь что? Неважно. Я вечно забываю, что разговариваю с Грэхем. Ты вся в отца.

Разгоревшаяся было искра гордости слегка тухнет. Не то чтобы мне обидно, разве что капельку. Когда у тебя знаменитые родители, долго приходится находиться в их тени.

Еще только начиная играть, я знала, что меня вечно будут сравнивать с отцом. Папа — живая легенда, иначе не скажешь. Он поставил столько рекордов, что всех и не запомнишь. Он до сорока лет занимался профессиональным спортом. И даже в сорок умудрился в последнем своем сезоне всем надрать задницы. Он мог бы еще год-другой поиграть, но папа умен. Он ушел на пике карьеры. Прямо как Гретцки*, с которым его постоянно сравнивают.

Надо что-то делать с этой детской обидой, это я понимаю. Все хотят, чтобы их сравнивали разве что с величайшими спортсменами всех времен. Может, меня просто задевают все эти женоненавистнические фразочки, которые уже сколько лет сопровождают каждый полученный комплимент.

Она и правда хорошо играла... для девчонки.

У нее впечатляющая статистика... для женщины.

Хоккеисту никто не скажет, что он просто прекрасно играет — для мужчины.

Правда в том, что мужской и женский хоккей — вещи совершенно разные. У женщин меньше возможностей продолжить

* Уэйн Гретцки — канадский хоккеист, один из самых известных спортсменов XX века. установил 61 рекорд и неоднократно завоевывал индивидуальные призы Национальной хоккейной лиги.

играть после колледжа, профессиональную лигу меньше обзревают, а зарплаты существенно ниже. Я все понимаю: одна игра НХЛ, наверное, привлекает в сто тысяч миллиардов больше зрителей, чем все женские игры, вместе взятые. Мужчины заслуживают каждого выплаченного им цента и каждой предоставленной возможности.

Но все это значит, что я должна обратить себе на пользу любую возможность, которая дается мне как хоккеистке.

К чему я веду? Речь об Олимпиаде, конечно.

С шести лет моей целью было попасть в сборную США и выиграть олимпийское золото. И с тех пор я работаю над ее достижением.

Тренер открывает мне ворота к скамейке.

— Твой папа в этом году снова придет гонять свой лагерь?

— Ага, где-то на этой неделе. Ему сначала надо прийти в себя. Мы только на прошлой неделе вернулись из ежегодной поездки на Тахо.

Каждый год наша семья проводит август на озере Тахо вместе с близкими друзьями и родными. Там все лето от посетителей отбоя нет.

— В этом году явилось несколько человек из бывших папиных сокомандников по «Бостону»... и, скажем так, каждое утро у нас на пристани валялось в отключке немало мужиков с похмельем, — ухмыляюсь я.

— Помоги боже несчастному озеру.

Эдли прекрасно знает, на что способны папа с его парнями. Он был помощником тренера в «Брюинз», когда отец играл за них. Вообще-то именно папа уговорил Тома Эдли возглавить женскую хоккейную программу в Брайаре.

Как бы ни желала я выбраться из отцовской тени, его имя значится прямо над входом в здание. Центр Грэхема. Благодаря его жертвованиям программу для девушек лет десять назад полностью переработали. Новая инфраструктура, новые тренеры, новые агенты, прочесывающие старшие школы в поисках талантов. Пока папа не вдохнул в программу новую жизнь, она была бледной тенью мужской программы. По его словам, он хотел, чтобы меня ждала крепкая база, если я решу поступить в Брайар, когда стану постарше.

Если.

Ха.

Как будто я бы стала поступать куда-то еще.